Фролова Элла Владимировна

СТАТУС СЕКРЕТАРЯ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РПЦ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Статья раскрывает эволюцию правового и социального статуса секретаря духовной консистории в системе епархиального управления РПЦ синодального периода. На примере различных церковно-административных территорий проанализированы взаимоотношения архиерея как главы епархии и секретаря епархиальной духовной консистории как представителя Святейшего Синода. Особое внимание автор уделяет причинам возникновения конфликтных ситуаций во взаимоотношениях иерарха и консисторского чиновника, с одной стороны, и факторам стабильности в деятельности властных епархиальных структур, с другой стороны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 191-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. Карлова О. А. Миф разумный. М.: Московский писатель, 2001. 203 с.
8. Козолупенко Д. П. Миф на гранях культуры. М.: Канон+, 2005. 212 с.
9. Козолупенко Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие: монография. М.: Канон+, 2009. 430 с.
10. Костина А. В. Реклама как современная мифология // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 76-81.
11. Леви-Строс К. Мифологики: в 4-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 1. Сырое и приготовленное. 406 с.
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008. 303 с.
13. Лосев А. Ф. Предисловие к работе «Диалектика искусства» // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 22-186.
14. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
15. Маковский М. М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Ленанд, 2014. 320 с.
16. Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. 576 с.
17. Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени: чтения по истории и теории культуры / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2009. 136 с.
18. Миф и художественное сознание XX века / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2011. 686 с.
19. Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: АИРО-XX, 2000. 216 с.
20. Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 896 с.
21. Плютто П. А. Концепция аутентичного мифа и анализ социокультурных иллюзий. М.: РГГУ, 2009. 348 с.
22. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
23. Стеблин-Каменский М. И. Миф // Труды по филологии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. 928 с.
24. Судаков В. Н. Мифология воспитания: очерки теории развития и воспитания личности. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 112 с.
25. Ульяновский А. В. Мифодизайн рекламы. СПб.: Алетейя, 1995. 300 с.
26. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 767 с.
27. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
28. Чиндин И. В. Миф. Реконструкция архаической ментальности. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2013. 164 с.
29. Чиндин И. В. Мифология культуры. Россия. 1900-1959 годы. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2011. 432 с.
30. Этинген Л. Е. Мифологическая анатомия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2009. 528 с.

VARIANTS OF ONTOLOGICAL HIERARCHY IN MYTH PHENOMENON

Fateeva Anastasiya Sergeevna
Moscow State Linguistic University
fateevaas@yandex.ru

Several possible approaches to the understanding of myth phenomenon in culture are denoted in the article, which is especially topical because of the prevalence but at the same time discontinuity and ambiguity of the notion itself in modern knowledge pertaining to the humanities. Belief, cognition, creative work, life and ideology are examined in the paper from the perspective of the ontological and gnosiological bases of myth. The movement of mythological consciousness from comprehensive primary reality to the forms of reflection about myth, philosophical and artistic ones, as well as to myth as an ideological mechanism and indicator of socio-cultural background is traced.

Key words and phrases: myth; mythological consciousness; belief; myth sociology; myth-making; myth existence; gnoseology of myth.

УДК 908
Исторические науки и археология

Статья раскрывает эволюцию правового и социального статуса секретаря духовной консистории в системе епархиального управления РПЦ синодального периода. На примере различных церковно-административных территорий проанализированы взаимоотношения архиерея как главы епархии и секретаря епархиальной духовной консистории как представителя Святейшего Синода. Особое внимание автор уделяет причинам возникновения конфликтных ситуаций во взаимоотношениях иерарха и консисторского чиновника, с одной стороны, и факторам стабильности в деятельности властных епархиальных структур, с другой стороны.

Ключевые слова и фразы: духовная консистория; секретарь консистории; епархия; архиерей; Святейший Синод; обер-прокурор; канцелярия.

Фролова Элла Владимировна, к.и.н.
Историко-краеведческий музей Ковровского района (Владимирская область)
krivoy-bor@yandex.ru

СТАТУС СЕКРЕТАРЯ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ В СИСТЕМЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РПЦ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА©

С начала XVIII столетия православная церковь в Российской империи постепенно становится частью государственного аппарата. Первые шаги в этом направлении сделал Петр I, создав высший государственный

© Фролова Э. В., 2015

орган по делам духовным и церковным – Святейший Синод – и положив в его основу начало коллегиальное. Аналогичная организация дел предусматривалась «Духовным регламентом» и в системе местного церковного управления. Начиная с царствования Петра I, ограничение единовластия иерархов стало главной тенденцией в региональной церковной политике государства, что привело в дальнейшем к созданию особых местных церковных учреждений под названием консисторий.

Образованные по синодальному указу от 9 июля 1744 г. из архиерейских домовых правлений консистории стали высшими коллегиальными церковными административными и судебными органами местного епархиального управления, действовавшими под началом архиерея. Консистория находилась в ведении Святейшего Синода, и кроме него и епархиального владыки никто не мог вмешиваться в ее деятельность. Консистория состояла из присутствия, куда входили наиболее яркие представители епархиального духовенства, и канцелярии из светских чиновников, которую возглавлял секретарь, имевший особое положение в системе епархиального управления.

Несмотря на то, что консистория вместе с епархиальным архиереем состояла в ведении Синода, до начала XIX в. она, в целом, представляла собой личную архиерейскую канцелярию, исполнявшую распоряжения главы епархии. Система органов епархиального управления была во многом схожа с системой высшего церковного управления. Подобно тому, как в Святейшем Синоде его канцелярия во главе с обер-прокурором во второй половине XVIII в. еще не получила самостоятельности, так и на местах канцелярия консистории во главе с секретарем в то время всецело зависела от иерарха.

Со времени основания Святейшего Синода и до 1803 г. власть обер-прокурора не имела решающего значения в его деятельности. Церковную политику в то время определяло Присутствие Святейшего Синода, состоявшее из самых влиятельных иерархов, которые имели прямой выход на императора. Положение коренным образом изменилось в 1817 г., когда Манифестом от 17 октября 1817 г. создалось «двойное» Министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил князь А. Н. Голицын [18, с. 157]. Образование этой новой административной структуры повлекло за собой подчинение церковного управления светскому ведомству.

Происшедшие перемены стали составной частью министерской реформы, в ходе которой был образован новый централизованный аппарат управления, охвативший и церковь. Следующее (николаевское) царствование стало временем завершения бюрократизации всего аппарата управления, в том числе и церковного.

Переломным в истории епархиального управления стал 1841 г., когда был введен в действие Устав духовных консисторий, определивший правовые основы епархиального управления. Согласно Уставу 1841 г., управление и суд в епархии по-прежнему осуществлялись через консисторию под непосредственным начальством епархиального архиерея. Однако высшая власть над консисторией стала принадлежать Святейшему Синоду. Канцелярия консистории находилась под началом секретаря, который назначался и увольнялся Синодом по выбору и предложению обер-прокурора без всякого участия главы епархии. Прочие чиновники канцелярии назначались и увольнялись консисторией по утверждению архиерея.

Секретарь консистории, хотя формально и находился под начальством епархиального владыки, в то же время состоял в ведении обер-прокурора и был обязан исполнять все его предписания. Фактически секретарь имел бóльшее влияние на деятельность консистории как органа епархиального управления, чем каждый член присутствия. Он объединял обязанности начальника канцелярского делопроизводства с некоторыми обязанностями прокурора при епархиальном управлении. Секретарь ежегодно представлял в Синод отчеты о ходе дел в епархиальной консистории, и таким образом через него обер-прокурор следил за исполнением постановлений по духовному ведомству на местах, а заодно и за деятельностью самого архиерея.

Такое независимое положение секретарей духовных консисторий сложилось не сразу. Во второй половине XVIII в. в большинстве великорусских епархий секретарь консистории, по сути, являлся секретарем личной канцелярии иерарха и назначался Синодом только по рекомендации правящего владыки [11, д. 441, л. 1-3]. Зачастую архиереи-малороссы, которые в то время возглавляли большинство великорусских епархий, на секретарскую должность рекомендовали именно выходцев из Украины. Наглядным примером может послужить правление епископа Платона (Петрункевича) на Владимирской епархиальной кафедре, когда должность секретаря консистории занимал малороссийский дворянин Василий Степанович Лазаревич [8, с. 13-14]. Не стала исключением и Ростовская епархия: секретарем духовной консистории при митрополите Арсении (Мацеевиче) был назначен происходивший из польских дворян Яков Васильевич Кордовский [1, с. 354].

Изменения в системе высшего церковного управления, произошедшие в начале XIX в., отразились и на практике назначения секретарей епархиальных консисторий. Усиление влияния обер-прокурора Святейшего Синода и его канцелярии привело к тому, что в вопросе определения на должность секретарей консисторий мнения епархиальных архиереев постепенно сводились на «нет», а во главе канцелярий все чаще ставились синодальные чиновники. Синод в лице обер-прокурора все активнее вмешивался в дела епархий, стремясь сделать консистории филиалами своего аппарата на местах в ущерб власти епископата. Отношения ставленников Синода и епархиальных архиереев складывались по-разному.

Как пример конструктивной работы секретаря консистории и архиерея можно привести службу Павла Андреевича Протопопова, который занял должность секретаря Владимирской консистории в 1812 г. Он был направлен во Владимир из чиновников синодальной канцелярии. Свою службу обер-офицерский сын П. А. Протопопов начал копиистом Тамбовской духовной консистории. Не имея никакого образования, он достиг должности повытчика, после чего в 1807 г. был вызван в Петербург. Прослужив 5 лет повытчиком

в канцелярии Синода, Протопопов был направлен на секретарскую должность во Владимирскую духовную консисторию. Канцелярию консистории он возглавлял 25 лет до 1837 года [5, д. 1355; 12, с. 715].

Служба П. А. Протопопова во Владимире проходила при епископах Ксенофонте (Троепольском) и Парфении (Черткове), и каких-либо конфликтов между правящим архиереем и секретарем консистории в то время в епархии не было отмечено. В 1820 г. титулярный советник и кавалер П. А. Протопопов был внесен в I часть дворянской родословной книги Владимирской губернии [19, с. 153]. Не имея родового имения, секретарь консистории, благодаря занимаемой должности, сумел устроить свое положение и в губернском обществе, женившись на дворянке Марфе Антоновне Федоровой (внучке прежнего консисторского секретаря И. Ф. Дмитриевского) [3, д. 2, л. 183; 20, с. 85].

Иная ситуация возникла в Ярославской епархии, когда в 1812 г. на должность секретаря консистории был назначен коллежский секретарь Василий Васильевич Херасков, служивший до того повытчиком в Синоде. Происходил он из духовного звания и службу начал в 1800 г. копиистом в Вологодской консистории. В 1810 г. губернский секретарь В. В. Херасков был вызван в Петербург, где продолжил службу в синодальной канцелярии на должности повытчика. Незадолго перед переводом Хераскова в Ярославскую епархию он был награжден за прилежание по службе денежными суммами.

Вскоре при вступлении в должность секретаря Ярославской духовной консистории В. В. Хераскова начались его разногласия по консисторским делам с правящим архиереем архиепископом Антонием (Знаменским). В 1813 г. секретарь приостановил без ведома архиерея делопроизводство одного из дел, а также без резолюции архипастыря подписывал ставленникам билеты на вступление в брак. Известность в епархии получил и случай, когда секретарь консистории потребовал от церковного старосты заплатить 25 руб. за прием в консисторию приходо-расходных книг [6, д. 5658, л. 1 об. – 4, д. 5693, л. 423]. Конфликт ярославского архиепископа и секретаря духовной консистории разрешился уже в 1817 г. Протекция архиепископа Антония (Знаменского), известного собирателя и исследователя древних русских рукописей, в лице бывшего обер-прокурора Св. Синода ярославского помещика и коллекционера графа А. И. Мусина-Пушкина привела к увольнению от должности В. В. Хераскова с переводом его в гражданское ведомство [Там же, д. 6176].

По мнению архиепископа Саввы (Тихомирова), первая половина XIX в. стала временем «постыдной борьбы обер-прокурорской власти с Синодом и вообще с иерархиею» [15, с. 462]. На должность секретарей духовных консисторий стали назначать чиновников с более высоким образовательным цензом. В некоторых епархиях приток выпускников духовных академий на службу в епархиальные консистории отмечался уже в 1840-е гг. Так, канцелярию Курской духовной консистории возглавлял выпускник Московской духовной академии А. Е. Беляев, Нижегородской духовной консистории – окончивший Петербургскую академию В. И. Громов [10, с. 122; 14, с. 731].

С конца 1860-х гг. обер-прокурор граф Д. А. Толстой, известный в истории РПЦ некоторыми либеральными начинаниями, а в гражданской истории России – крайним консерватизмом, приоритет в назначении секретарей епархиальных консисторий стал отдавать выпускникам высших светских учебных заведений. Он считал, что секретари с университетским образованием смогут более объективно помогать ему контролировать епархиальные органы управления, в том числе, и осуществлять надзор за деятельностью архиереев.

В 1870-е гг. Ярославский Демидовский лицей, дававший юридическое образование, стал предлагать своим выпускникам службу в епархиальных органах управления. Как правило, его выпускники – будущие секретари консисторий – были выходцами из духовного сословия, и среднее образование получили в семинариях [7, с. 47-60]. В качестве примера можно привести выпускников Владимирской духовной семинарии или же окончивших ее четыре класса В. А. Александровского, М. Е. Лебедева и И. Н. Соловьева, служивших секретарями Пермской, Минской и Таврической духовных консисторий [9, с. 18, 144, 266].

Высшее образование начальников канцелярий зачастую не способствовало лучшей организации дел в консистории. Наоборот, возросший бюрократизм, карьерные соображения некоторых чиновников и их умение использовать свое положение создавали еще больше трудностей в решении вопросов епархиального управления. Порядок в консисторской канцелярии больше зависел от личных качеств и организаторских способностей ее секретаря, чем от уровня его образования.

Известны многочисленные случаи, когда именно секретари духовных консисторий, имевшие высшее образование, заслуживали справедливые нарекания правящих архиереев, которые обвиняли их в бюрократизме, развале четкой работы органа епархиальной власти. Церковная администрация, в частности консистории, стала предметом насмешек со стороны общества. Особенно часто служащих консисторий обвиняли во взяточничестве и казнокрадстве.

В этом плане отличился секретарь Костромской духовной консистории С. И. Ширский, магистр Петербургской духовной академии, занявший эту должность из преподавателей Костромской семинарии. Став секретарем, он превратился в изобретательного взяточника и требовал, чтобы ему несли щедрые подношения соответственно его ученой степени. Подобным образом показали себя и секретари консисторий в Каменец-Подольской и Тверской епархиях выпускники Московской духовной академии Я. А. Беневоленский и М. Г. Никольский [4, д. 206, л. 308-311; 13, с. 455, 788].

Двойная подчиненность секретаря консистории, когда он, с одной стороны, находился под ближайшим начальством архиерея, а с другой стороны, непосредственно подчинялся обер-прокурору Синода, создавала немало конфликтных ситуаций между архиереем и секретарем консистории, которые разрешались только после рассмотрения дела в Святейшем Синоде. Если в XVIII в. при утверждении кандидатуры на должность секретаря консистории Синод еще учитывал рекомендации иерархов и конфликты в системе епархиального

управления тогда были редки, то позднее ситуация изменилась. Архиереи, особенно те, кто имел сильные позиции в Синоде, при возникновении разногласий с секретарями епархиальных консисторий сами стали обращаться за новыми кандидатурами на эту должность в канцелярию обер-прокурора. Известно, что именно так поступали митрополит Московский Филарет (Дроздов) и архиепископ Тверской и Кашинский Савва (Тихомиров) [13, с. 446-448; 17, с. 694-696].

Однако возникавшие конфликтные ситуации не всегда заканчивались в пользу архиереев. Некоторые секретари консисторий, подобно обер-прокурору, определяли всю политику в епархии. В отдельных случаях секретари сделались полновластными правителями консисторий, и каждый из них «чувствовал себя в консистории так, как обер-прокурор Протасов в Синоде» [16]. В ряде епархий усиление власти начальника канцелярии консистории приводило к серьезным конфликтам.

Общероссийскую известность получила история, происшедшая в Пермской епархии и связанная с именами владыки Аркадия (Федорова) и секретаря консистории Ивана Архарова. В начале 1851 г. в епархии прошла синодальная ревизия, инициатором которой стал секретарь местной консистории. Конфликт епископа Аркадия с Архаровым привел к разбирательству в Синоде дела «о беспорядках и злоупотреблениях по Пермскому епархиальному управлению», выявившему большие недостатки в епархии, а также «пристрастие» иерарха к священнослужителям – выходцам из Владимирской губернии, особенно к своим родственникам, из которых 22 человека получили наиболее доходные места в Шадринском и Камышловском уездах. По результатам ревизии владыку Аркадия перевели в Петрозаводск и вскоре уволили «на покой» [2, с. 8].

Необходимо все же отметить, что конфликтные ситуации в отношениях епархиальных архиереев и секретарей консисторий не носили повсеместный характер. Конструктивная и слаженная работа органов епархиального управления отмечалась в тех церковно-административных единицах, где канцелярию духовной консистории возглавляли местные уроженцы, имевшие тесные родственные и дружеские связи с влиятельными светскими и духовными лицами губернии, а во главе епархии стояли иерархи, имевшие авторитет в Святейшем Синоде.

Вышеизложенные факты наглядно свидетельствуют, что с середины XVIII столетия единовластие архиереев в вопросах управления епархиями постепенно сменяется принципом коллегиальности, который был положен в основу работы духовных консисторий. Секретарь консистории, назначавшийся Синодом, занимал особое положение в системе епархиального управления РПЦ. Анализ деятельности органов епархиального управления различных церковно-административных территорий позволяет четко проследить эволюцию правового и социального статуса секретаря духовной консистории в синодальный период: от секретаря личной канцелярии архиерея, полностью зависящего от начальствующего духовного лица, до независимого от главы епархии светского чиновника с прокурорскими функциями, непосредственно подчинявшегося центральному государственному учреждению – Святейшему Синоду.

Список литературы

1. **Виденеева А. Е.** Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века. М.: Наука, 2004. 433 с.
2. **Вяткин В. В.** Епархиальные архиереи и секретари духовных консисторий в первой половине XIX века: анализ конфликтности в отношениях // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12. С. 7-10.
3. **Государственный архив Владимирской области** (ГАВО). Ф. 243. Оп. 1.
4. **ГАВО.** Ф. 301. Оп. 3.
5. **ГАВО.** Ф. 556. Оп. 1.
6. **Государственный архив Ярославской области.** Ф. 230. Оп. 1.
7. **Егоров С. А.** «На честное дело жизни»: Ярославская юридическая школа. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. 288 с.
8. **Малицкий Н. В.** История Владимирской духовной семинарии. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. Вып. 1. 280 с.
9. **Малицкий Н. В.** Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии. 1750-1900 гг. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1902. 336 с.
10. **Родосский А.** Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской Духовной Академии: 1814-1869 гг. (к 100-летию С.-Петербургской Духовной Академии). СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1907. 552 с.
11. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 796. Оп. 52.
12. **Русский провинциальный некрополь** / сост. В. Шереметевский. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^0, 1914. Т. 1. 1008 с.
13. **Савва (Тихомиров), архиепископ.** Хроника моей жизни: автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 9-ти т. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901. Т. 3. 814 с.
14. **Савва (Тихомиров), архиепископ.** Хроника моей жизни: автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 9-ти т. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. Т. 5. 942 с.
15. **Савва (Тихомиров), архиепископ.** Хроника моей жизни: автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 9-ти т. Сергиев-Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1911. Т. 9. 590 с.
16. **Святитель Филарет (Дроздов).** Доклад Синода Государю о причинах бедственного положения Православной церкви в России // Дополнительная библиотека Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Оп. 1906. Отд. 7. № 259.
17. **Святитель Филарет (Дроздов).** Избранные труды, письма, воспоминания. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. 986 с.
18. **Смолич И. К.** История русской церкви. 1700-1917. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. Ч. 1. 799 с.
19. **Трегубов М. И.** Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир: Тип. Владимирского губернского правления, 1905. 256 с.
20. **Фролов Н. В., Фролова Э. В.** Село Маринино: «Дворянское гнездо» Танеевых. Ковров: Великоросс, 2005. 112 с.

STATUS OF SECRETARY OF ECCLESIASTICAL CONSISTORY IN THE SYSTEM OF DIOCESAN ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OF THE SYNODAL PERIOD

Frolova Ella Vladimirovna, Ph. D. in History
Museum of History and Local Lore of Kovrov district (Vladimir region)
krivoy-bor@yandex.ru

The article examines the evolution of the legal and social status of the secretary of the ecclesiastical consistory in the system of the diocesan administration of the Russian Orthodox Church of the Synodal period. By the example of various church-administrative territories the relations of the bishop as the head of the eparchy and the secretary of the diocesan ecclesiastical consistory as a representative of the Holy Synod are analyzed. Special attention is paid to the causes of the appearance of conflicts in the relations of the hierarch and the consistory official, on the one hand, and the factors of stability in the activity of power-holding diocesan structures, on the other hand.

Key words and phrases: spiritual consistory; secretary of consistory; eparchy; bishop; The Holy Synod; attorney-general; office.

УДК 34
Юридические науки

Статья посвящена актуальным проблемам гражданского права, касающимся правового статуса личности. Основное внимание автор уделяет научным дискуссиям о системе личных неимущественных прав человека и приходит к выводу, что все они обусловлены автономией личности. По соотношению личных нематериальных благ и личных неимущественных прав доказаны возможность самостоятельной защиты как личного нематериального блага, так и основанного на нем личного неимущественного права, а также наличие органической связи неимущественных прав с имущественными правами.

Ключевые слова и фразы: личные нематериальные блага; личные неимущественные права; виды прав человека; защита нематериальных благ; право на жизнь и здоровье.

Хватова Мария Алексеевна, к.ю.н., доцент
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
Xvatovama@rambler.ru

ПРИРОДА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ИХ СВЯЗЬ С ИМУЩЕСТВЕННЫМИ ПРАВАМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ©

Вопросы о сущности, объектах, субъектах и содержании личных неимущественных прав, об их связи с имущественными правами вызывают в науке гражданского права самый живой интерес [12]. Прежде всего, это касается определения понятия личного неимущественного права. Не вдаваясь глубоко в спорные вопросы о его существенных признаках, которые должны быть отражены в соответствующей дефиниции, согласимся с определением личного неимущественного права, сформулированным В. С. Толстым. По его мнению, личное неимущественное право можно определить как юридическую возможность субъекта в соответствии с принадлежащей ему автономии воли выбора вариантов собственного поведения, касающегося его существования или социального поведений [Там же, с. 21-22]. Автор определяет в качестве назначения личного неимущественного права обеспечение субъектам гражданского права автономии воли [Там же, с. 24].

Другой весьма важный вопрос, являющийся в течение многих лет предметом научной дискуссии, – вопрос о том, какую функцию выполняет право применительно к личным нематериальным благам и личным неимущественным правам: охранительную или регулятивную? Дело в том, что действующий ГК РФ в ст. 2 устанавливает, что личные нематериальные блага и основанные на них личные неимущественные права не регулируются, а защищаются гражданским правом, если иное не вытекает из существа этих прав. Казалось бы, законодатель положил конец дискуссии по данному вопросу, однако она до сих пор не ослабевает. Не утихают также споры по вопросу о том, что именно подлежит защите: личные нематериальные блага как объекты соответствующих прав или сами эти права, в частности, право на жизнь, на здоровье и др.? Многие представители науки гражданского права занимают по этому вопросу, если можно так выразиться, дуалистическую позицию, признавая предметом защиты как сами личные нематериальные блага, так и основанные на них неимущественные права [1, с. 46; 9, с. 15; 11, с. 3].

Не останавливаясь подробно на характере дискуссий по этим вопросам, считаем необходимым обратить внимание на замечания В. С. Толстого, который, критикуя название главы 8 ГК РФ «Защита личных нематериальных благ», подчеркивает, что такой подход законодателя к определению предмета защиты свидетельствует о недооценке роли права в обществе. Автор отмечает, что право регулирует не вещи и не личные нематериальные блага, а общественные отношения, в которых правам одного субъекта корреспондируют обязанности других субъектов. Поэтому как бы ни были значимы те или иные блага, защите подлежат не блага

© Хватова М. А., 2015